Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2016
Номер выпуска: 65-66
Заглавие: Попытка покаяния
Автор: Ю. Б. Лаптев

У каждого из нас на жизненном пути непременно встречался человек, на которого хотелось равняться, подражать ему. Как правило, это были учителя, закладывающие в детей свои знания, жизненный опыт и, пусть это не прозвучит высокопарно, душу. Не знаю, как это происходило, но ребенок из всех учителей школы выделял для себя одного и отдавал добровольно всего себя в его руки и потом на протяжении всей своей жизни хранил память о нем. Во всяком случае был такой человек в моей жизни. Но как-то нескладно получилось, я не сумел достойно отблагодарить его, сказать хот я бы «Спасибо за все!».

Уже после окончания школы, когда встречал его на улице, что-то мешало подойти и поинтересоваться его жизнью, здоровьем и поблагодарить за то, что он был и есть в моей жизни верным ориентиром, помог выбрать правильный вектор... Мешал, наверное, юношеский максимализм, гордыня, за которые мне сейчас нестерпимо стыдно, и поправить уже ничего нельзя.

Я всегда завидовал и продолжаю завидовать своему приятелю. В течение многих лет они регулярно встречаются со своей «мамой», учившей их с 1-го по 4-й классы. Убеленные сединами люди каждый год 29 января встречаются со своей любимой учительницей (во время войны юной подпольщицей) Аллой Федоровной Ждановой. Почему 29-го? Да потому, что они учились в школе им. Чехова, в здании, в классах, в которых бегал и учился Чехов сотоварищи... Встречаясь, они как бы отчитывались перед Аллой Федоровной (и перед Чеховым) за прошедший год. Для нее они оставались Колей, Женей, Светой, Ниной... а она для них - «нашей мамой».

Мой школьный учитель Николай Алексеевич Данюшин - легендарный летчик и для нас, пацанов, - прежде Герой Советского Союза и уже потом — учитель истории. О таких людях трудно говорить, поскольку ни одна оценка их труда, а тем более жизни, не будет объективной и правильной. Он не помещался в тогдашнем нашем сознании. Обычный негромкий голос, старенький, но всегда аккуратно отглаженный костюм. Чего нам особенно не хватало, так это звезды героя на его груди и прочих медалей. Но в те годы не принято было носить награды в обыденной жизни - только по праздникам. И когда на 9 Мая по улице Ленина, «под духовой оркестр» судомеханического техникума шли ветераны, мы, мальчишки и девчонки, старались разглядеть в шеренгах фронтовиков своего Николая Алексеевича! И когда находили, нашей радости не было предела, потому что мы имели удовольствие видеть его боевые награды. И вышагивали по обочине рядом с нашим учителем, во все глаза разглядывая его звезду, которая была чуть-чуть и нашей, ведь Николай Алексеевич весь до конца и без остатка принадлежал нам.

Он почти никогда не рассказывал о войне, хотя нам очень, просто нестерпимо хотелось узнать, за что же он получил своего «Героя». Не он один не любил рассказывать о войне - мой отец тоже ничего о ней не говорил, разве только когда выпивал рюмку-другую. Уже будучи взрослым, я понял, как мне кажется, почему ветераны, настоящие фронтовики, не говорят о войне. Говорить – значит вспоминать, вспоминать - вновь прочувствовать и переживать кошмар прошлого.

У нас в театре работал актер-фронтовик, заслуженный артист, это было в городе Шахты. Он никогда не смотрел фильмы про войну. Я, тогда еще молодой актер, долго его пытал; почему?.. В конце концов он сказал: то, как показывают войну, - неправда, а если

показать ее по-настоящему - то это будет патология! Возможно, Геннадий Иванович, так его звали, и преувеличивал, но он был убежден в этом.

И Николай Алексеевич предпочитал не говорить о войне. Лишь однажды рассказал, за что получил такую высокую награду. Выстроили полк, командир обратился к летчикам: «Товарищи, командование поставило перед нами важную задачу разбомбить немецкую переправу. Шансы вернуться обратно равны нулю, поэтому полетят только добровольцы. И скомандовал: «Коммунисты, шаг вперед!». Шагнул и Данюшин. Вернулось из боя несколько самолетов.

У него была своя, оригинальная система преподавания. Категорически не воспринимал пересказ домашнего задания по учебнику, требовал излагать содержание своими словами и непременно ставил отличные отметки, если ты еще мог дополнить свой рассказ личными комментариями, пусть даже не всегда правильными. Тогда подключал класс проанализировать комментарии и в чем их недостаток, если таковой имелся. Почти каждый урок выливался в этакий дискуссионный клуб, заставлявший мыслить.

Когда Николай Алексеевич входил в класс и закрывал за собой дверь, это означало: кто за дверью - тот опоздал. Запыхавшийся ученик вбегал в класс и тяжело выдыхал: «Можно войти, Николай Алексеевич?». Данюшин тут же задавал встречный вопрос, например: «Когда произошло сражение на реке Калка?» или «Что было в 1380 году?», и если ученик мгновенно отвечал, то шел на свое место, иногда даже получал «отлично» за ответ. Если не знал, то еще долго приходилось стоять у двери, имея шанс сесть на место, только включившись в общую дискуссию и ответив на один из текущих вопросов. С точки зрения официальной педагогики он, возможно, поступал неправильно, но абсолютное большинство учеников хорошо знало историю. Как правило, на его уроках никто не безобразничал, не шумел. Часто, рассказывая очередную тему урока, стоял вполоборота к классу и глядел в окно. Создавалось ощущение - он видел там очередную русскую баталию. Новгородское Вече или дипломатические беседы русских царей и подробно их нам описывал. Настолько заразительными были его повествования, что даже отъявленные балбесы класса завороженно слушали, полуоткрыв рот.

Его методика, очевидно, не находила поддержки у историков и руководства школы, и, вероятно поэтому, он ушел в ПТУ № 29. Его уход был неожиданным для нас. Мы свыклись с мыслью, что Николой Алексеевич всегда будет с нами, а тут такое... Нового преподавателя истории приняли в штыки, стали неуправляемыми, ершистыми, потребовалось вмешательство завуча и директора, чтобы привести нас, как им казалось, в чувство. Остальные годы обучения в школе № 26 были обыденными, безликими, скучными.

И сегодня, спустя более полувека, мне по-прежнему нестерпимо стыдно и горько за свое тогдашнее поведение в отношении замечательного педагога, человека и гражданина Николая Алексеевича Данюшина.